

Культура. — 2000. — 5-11 окт. — с. 7

Круг первый, круг последний

“Сирано де Бержерак”. МХАТ им. А.П.Чехова

Премьеру сыграли 1 октября, в день рождения Олега Ефремова. Это была его последняя режиссерская работа, незаконченная. Мы не знаем, на какой этап постановки пришелся его уход, не знаем, он ли выстраивал эти красивые мизансцены-картинки, напоминающие иллюстрации в старых книжках. На Ефремова это не очень похоже. Быть может, картинки дорисовал режиссер Н.Скорик, завершивший спектакль? Быть может, напротив, так было задумано Ефремовым? Не суть важно. Гораздо важнее образ колеса-круга, уж точно придуманный Олегом Николаевичем. Вместе с директором МХАТа им. А.П.Чехова В.Ефимовым. Директор в этом спектакле выступил художником. Художник, оказалось, хороший, очень хороший.

В окружности просматривается живописное дерево. Дерево жизни. Круг жизни — смерти, вечная геометрия прихода — ухода, в зависимости от бытия индивидуума оставляющая после себя либо пространство духа, либо дырку от бублика.

В 60-е годы Ефремов вместе с И.Квашой уже ставил “Сирано” в “Современнике” и заказал тогда Ю.Айхенвальду новый перевод пьесы. В прежних Олегу Николаевичу не хватало поэзии. Нынешний спектакль идет в том же переводе. Спектакль целиком и полностью — о поэте и поэзии. Ефремов будто закатывал собственную жизнь, исполнил свое прощальное рондо. И вот что удивительно — повторяющейся темой этого рондо явились вовсе не социальные материи, столь прочно ассоциировавшиеся с именем художника. Напротив, поэтические. Ефремов скал пьесу до двух часов сценического времени. Откровенно проигнорировал ее обличительный пафос. Или это не удивительно? Или — закономерно? Олег Ефремов был последний романтик русского театра. Поэзия те-

Сцена из спектакля. Сирано — В.Гвоздицкий, Роксана — П.Медведева

атрального строительства, азартный поиск рифм к современности, отчаянное самосгорание во имя художественного идеала, пусть не всегда достижимого, но единствен-

но достойного усилий, — это, по сути, и было ефремовской жизнью в искусстве.

Умиравший от физической нехватки воздуха режиссер ставил

спектакль о свободном дыхании поэта. О том, как неразделимы поэзия и любовь. О том, как неинтересна и незначительна всякая другая любовь по сравнению с этой.

“Пока не требует поэта к священной жертве Аполлон...” Актер Виктор Гвоздицкий, давно мечтавший сыграть Сирано, думаю, сыграл его именно в урочный час, сколь бы ни был этот час скорбным. Поэтическое начало в этом актере всегда брало верх над плотским, бытовым. Многочисленные оттенки нежности и страсти сублимируются у Сирано — Гвоздицкого в волшебные ямбы. Сами ямбы у него эротичны более, чем поцелуй и объятия Кристиана. Опасны и смертоносны для него самого — более, чем клинок шпаги. Недаром Сирано — Гвоздицкий так часто хватает острие голыми руками. В момент, когда безъязыкий Кристиан — С.Шнырев отдает на откуп другу переписку с Роксаной, кровь закипает в Сирано, но неизвестно чего в этом кипении больше: горечи безответного чувства или мощного прилива вдохновения. Такое ощущение, что именно здесь и настал час влюбленного поэта. К одиночеству он и так привык, но отныне предвкушает трагически-победную развязку. Кристиан в ефремовском спектакле — Сирано не соперник. Он и красив-то в меру. И одет, как все, сливается с толпой вояк в ботфортах. Сирано, между тем, отнюдь не уродлив. Злополучный (разумеется, наклеенный) нос исчезает с лица при первом же объяснении с Роксаной и больше не появится никогда. Длинная, терпкого вишневого цвета одежда (кафтан? камзол?) — одеяние короля или поэта — явно ему к лицу. Вдохновенная мелодия стиха — его постоянная интонация, внутри которой — множество оттенков, кроме одного, бытового. Этот Сирано — почти что демиург, сочиняющий свою мощную романтическую историю с печально-прекрасным концом. В точном и забавном контрасте с ним — де Гиш — С.Любшин. Не поэт, не сердцеед, простой, понятный мужик, хоть и с графским титулом.

Если бы была в спектакле еще и Роксана! При явной самодостаточности Сирано объект его любви и вдохновения не может быть все же столь... незначительным. Подмывает сам фундамент роستانовской интриги, где женщина способна любить не только глазами, но и душой.

Чтобы оценить послания Сирано, надобно наличие в женщине не только живости натуры, но и недюжинного личностного начала. Увы, П.Медведева играет среднестатистическую Джульетту — Дездемону — Офелию нынешнего нашего бедного театра. Не в обиду шекспировским героиням будь сказано, и их можно играть глубже да тоньше. Но факт — в последних московских постановках их изображают сплошь диковатыми, инфантильными девицами. С меньшими, правда, для пьес потерями, ибо основные конфликты замкнуты не на них. Роксана же — совсем другое дело. Тинэйджеровская незамысловатость Роксаны — П.Медведевой оставляет Сирано в таком полнейшем романтическом одиночестве, какое все же не предусмотрено ни жанром пьесы Ростана, ни ее сюжетом.

Олег Ефремов оборвал спектакль на полуслове. Остается лишь предполагать, что его частности сложились бы более удачно. Однако целое, думаю, осталось в неприкосновенности. Во мхатовском “Сирано” есть волшебная и чуть горьковатая магия прощания. Философская мудрость шекспировского Просперо, расстающегося с мудрыми книгами так и не поумневшего человечества. Светлая печаль не исправимого поэта, сжигающего ямбами свою собственную жизнь. Эти ямбы посланы нам не в назидание и не в утешение. Но в ознаменование того высшего смысла бытия, в который сам Ефремов неистребимо верил.

Наталья КАМИНСКАЯ